

В статье анализируются проблемы, связанные с процессами маргинализации пространств, объектов, отношений в городской среде. На примере дальневосточных городов и конкретных объектов рассматриваются складывающиеся социальные практики и стратегии преодоления маргинализации, а также возможности их инклюзии в городскую среду.

Авторы приходят к выводу, что маргинальные пространства не исчерпываются только негативным значением, так как обладают достаточным потенциалом преодоления маргинализации и возможностями создания нового облика городов в условиях трансформаций общественной жизни.

Ключевые слова: городское пространство; маргинализация; дальневосточные города; маргинальные места. /

The article analyzes the problems related to the processes of marginalization of spaces, objects, and relationships in the urban environment. Using the example of Far Eastern cities and specific facilities, the authors consider the emerging social practices and strategies for overcoming marginalization, as well as the possibilities of their inclusion in the urban environment.

The authors conclude that marginal spaces are not limited only to their negative significance, as they have sufficient potential to overcome marginalization and can create a new image of cities in the context of transformations in public life.

Keywords: urban space; marginalization; Far Eastern cities; marginal urban spaces.

Нарцательные маргинальные места дальневосточных городов / Common marginal places of Far Eastern cities

текст

Анастасия Гарнага

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

Ирина Гареева

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

Михаил Базилевич

Тихоокеанский
государственный
университет (Хабаровск)

text

Anastasia Garnaga

Pacific National University
(Khabarovsk)

Irina Gareeva

Pacific National University
(Khabarovsk)

Mikhail Bazilevich

Pacific National University
(Khabarovsk)

Исследование выполнено
за счет гранта Российского
научного фонда № 24-
28-20346, <https://rscf.ru/>
проект/24-28-20346/ и
Министерства образования
и науки Хабаровского края
(Соглашение № 114/2024). /

Acknowledgements: The
study was supported
by the Russian Science
Foundation grant No.
24-28-20346, <https://rscf.ru/>
and the Ministry of
Education and Science of
Khabarovsk Krai (Agreement
№ 114/2024)

Актуальность проблемы маргинализации связана с трансформациями как на глобальном, так и на локальном уровнях. В свою очередь, актуальность исследования маргинальных городских пространств на примере дальневосточных городов РФ подтверждается необходимостью исследования сложных социально-экономических и культурных процессов, истоки которых кроются в глобализации, урбанизации, цифровизации, запускающих трансформацию традиционных форм общественной жизни, участвующих в создании новой социальной реальности. Демографические тенденции, экономическая неопределенность, трансформация ценностных ориентаций, этническое разнообразие и иные факторы позволяют рассматривать маргинальные территории в качестве объектов, на примере которых может быть изучена динамика в социуме, адаптация отдельных групп к меняющемуся городскому ландшафту. Эти пространства находятся в определенной социальной изоляции, тем важнее проанализировать механизмы формирования идентичностей при ограниченном доступе к ресурсам и услугам. Маргинальное пространство отражает особенности паттернов, связанных с социальной интеграцией и сегрегацией, позволяет изучить институциональные и неинституциональные факторы, определяющие тенденции происходящих процессов. Необходимо отметить также, что социальная мобильность и инклюзия обеспечиваются местными властями, социальными институтами и гражданским обществом, что требует их скоординированного ответа на маргинализацию.

Дальневосточные города, этническим разнообразием поставленные перед различными экономическими вызовами, являются особенно ценными объектами для исследования в этом направлении. Они позволяют понять, какие локальные практики и стратегии преодоления маргинализации наиболее успешны, способны возродить инклюзивную городскую среду. Впрочем, феномен маргинальных пространств не исчерпывается их негативным значением: они также могут рассматриваться как экспериментальная площадка для внедрения инновационных социальных городских практик или объектов, участвующих в формировании коллективной идентичности [5].

Такие пространства являются своеобразным отражением исторической памяти города.

Процессы маргинализация в российском обществе обусловлены рядом обстоятельств и в первую очередь трансформационными процессами, происходящими с конца XX века и имеющими свои последствия до сих пор. Это связано со сменой прежней патерналистской политики государства, касающейся и регулирующей все социальные объекты (сферу экономики, культурные объекты, население) на либеральную без подготовки в стране к этим переменам, что увеличило не только количество маргинализирующих факторов, но и силу их воздействия, включенность всех социальных явлений, продолжительность влияния. Таким образом, можно утверждать, что изучение маргинальных городских пространств – способ актуализировать в теоретическом аспекте развитие урбанистики, а также возможность разработки прикладных эффективных стратегий управления городскими территориями, цель которых – преодолеть маргинализацию, преобразить облик городов, создать устойчивые сообщества. Необходимо понимать процессы, идущие в маргинальных пространствах, чтобы справиться с вызовами, стоящими перед современными городами [6]. Маргинальные пространства (объекты) привлекают интерес, активно посещаются, несмотря на официальные запреты и ограничения, обсуждаются в социальных сетях, подлежат различным сделкам (аренда, купля, продажа). Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения и анализа процессов, происходящих в маргинальных пространствах, для преодоления вызовов, стоящими перед современными городами.

Результаты исследования

Маргинальность (маргинализация) социальных объектов понимается как пограничность социального объекта в системе социальных элементов. Проблеме исследования маргинальности посвящены работы Р. Парка, особенно пространственные исследования изменения города на примере Чикаго. Продолжая традицию Чикагской школы, многие отечественные и зарубежные исследователи активно используют термин «маргинальность» в силу его методологической универсальности и применяемости

^ Рис. 1. Граффити на объекте «Башня Инфидаля» в Хабаровске с видом на реку Амур

^ Рис. 2. Водонапорная станция спиртзавода купца Богданова в Хабаровске

для изучения многих социальных процессов разнообразия контекстов употребления. Для описания данных объектов можно использовать термины «заброшенный (безднзорный, запущенный, оставленный без внимания)», «деградирующий (ухудшение характеристик какого-либо объекта, снижение качества)», «периферийный (имеющий пограничную, сомнительную значимость)». Но все эти термины дают узкое представление об изучаемом объекте и не позволяют описать все его социальные характеристики. Следуя современной исследовательской практике, где активно используются термин «маргинальный», позволяющий расширить исследовательское поле и многообразие контекстов его употребления, в своей работе мы также используем термин «маргинализация» для описания исследуемых процессов в городской среде.

Маргинализация городского пространства – это конкретно-исторический, объективный социокультурный процесс, характерный для трансформационного или аномийного социального состояния, причинами которого выступают конфликт с устоявшимися в обществе нормами, утрата (потеря) идентичности, вынужденная социальная мобильность, суть которого заключается в появлении новых социальных практик, в отчуждении человека от привычной среды и в социальном исключении индивидов, проживающих в определенных локациях, в осуществлении территориальной стигматизации и формировании пограничного образа отдельных локальностей города [1, с. 19] (рис. 1). В настоящее время в РФ выявлено более 181 тыс. заброшенных зданий и сооружений, большая часть (157 тыс.) из них в жилищно-коммунальной сфере. Приведенные цифры свидетельствуют, что процессы заброшенности и маргинализации становятся рутинными, за которым стоят проявления отношений, отдельных событий, случаев.

Среди характерных маргинальных зданий региона можно выделить Дом архитектора («Башня Инфидаля» или «Воронье гнездо») и здание бывшего спиртоочистительного завода, принадлежавшего купцу С. Я. Богданову в г. Хабаровске, купол на Монастырской сопке, Дом культуры строителей на ул. Рябиковой в г. Петропавловске-Камчатском. Эти здания, нарицательные для общественного сознания, сохраняют свою

的独特性, являются частью культурного кода города, хотя и не наделены явной исторической или художественной ценностью. Типичность выделенных объектов заключается в следующем: они находятся в крупных поселениях (городах); расположены рядом с объектами функционирующими, используемыми по назначению; выпадают из контекста остального города; являются объектами коллективной договоренности и т. д. Таким образом, описательных признаков для их классификации (типовизации) может быть достаточно для включения их в группу «маргинальных». Чтобы проанализировать эти объекты, необходимо понимать социокультурный контекст, причинно-следственные связи, определяющие как их маргинализацию, так и их определенную культурную значимость.

Тем важнее рассмотреть социально-экономическую и культурную ситуацию в регионе, в ландшафт городов которого включены локальные маргинальные объекты. Дальний Восток РФ имеет уникальную историю, географию и этнокультурную структуру, поэтому на протяжении многих лет представляет собой территорию, где реализуются различные социальные и экономические эксперименты. Здесь можно изучать как колонизацию, так и глобализацию на фоне явлений, характерных для маргинальной городской культуры [2]. Поэтому маргинальные здания, которые более не являются частью жизнедеятельности города, остаются историческими символами, напоминающим о смене парадигм, конфликтах и противоречиях в регионе.

Так, Дом архитектора в Хабаровске, несомненно, маргинальный объект и отражает архитектурные тенденции и социальные изменения своего времени. Такие аналогии подтверждают заимствование архитектурных форм, стремление местной элиты соответствовать западным стандартам.

Здание расположено на возвышенности над рекой Амур, вдали от городской суеты. Оно занимает пять этажей с двумя отсеками, и с его крыши открывается захватывающий вид на знаменитый мост, изображенный на купюре в 5000 рублей. Один из отсеков здания содержит два монолитных круглых в плане резервуара, а рядом

> Рис. 3. Купол на Монастырской сопке во Владивостоке

> Рис. 4. Мортиры близ Морского кладбища во Владивостоке

расположены еще две массивные бетонные емкости, закрытые каменными крышками.

Достоверно известно то, что в 1948 году недостроенная башня уже стояла на холме и успела порядком обветшать. Правдоподобной выглядит версия, что башня строилась в конце 1930-х годов и была связана со строительством Амурского тоннеля. Предполагалось, что в башне будут расположены компрессоры вентиляционной системы тоннеля, а в резервуарах храниться вода для экстренного пожаротушения. Нет ясности и в том, когда и почему «Башня Инфидаля» была заброшена. Однако есть предположение, что к началу 1941 года строительство башни просто не успели закончить. В 1946 году тоннель был законсервирован, а при восстановлении в 1964-м получил более простые и современные системы жизнеобеспечения. Башня же продолжала ветшать, в 1990–2010-х несколько раз переходила от города к частникам и от частников к городу, но наполнить ее новым смыслом пока не вышло ни у тех, ни у других.

С временем здание стало заброшенным, что запустило процесс его маргинализации. Таким образом, обнаруживается контраст между первоначальным замыслом и настоящим состоянием здания. «Башня Инфидаля» – вернакулярное наименование объекта, оно запутывает обывателя, в особенности гостя города, связывая объект с именем некоего Инфидаля (то ли архитектора, то ли купца). В действительности же название предложено участниками ролевых игр и никакого отношения к владельцу и другим людям не имеет. При этом выдуманное название широко известно среди горожан и овеяно городскими легендами.

На примере судьбы спиртоочистительного завода купца С. Я. Богданова можно проследить политическую, экономическую трансформацию, произошедшую в регионе. Это напоминание о развитой предпринимательской деятельности, востребованности производства алкоголя в XIX веке и символ упадка, вызванного широкими социальными и экономическими кризисами, разразившимися в постсоветском пространстве.

Землю, на которой стоит завод, и дом в 1906 году купил Сергей Яковлевич Богданов, купец 1-й гильдии. Он вместе с семьей перебрался на Амур из Забайкалья в числе первых переселенцев. Сначала семейство промышляло пушниной, а в Хабаровске переключилось на рыбный промысел. Позже Сергей Яковлевич решил построить винокуренный завод, для чего и купил землю у благовещенского купца И. Р. Рафаилова. На территории были два чистых родника, росли сливы, яблони и виноград амурский, а также груши. После смерти купца в годы революции земля, завод и домовладения были национализированы. Завод функционировал до конца XX века, а здания усадьбы использовались под нужды санаториев.

На данный момент часть зданий разрушена, остался только летний дом усадьбы, который продается властям города за один рубль с обременением его реставрации. С учетом экономических затрат и малой окупаемости объекта бизнес Хабаровска и региона не заинтересован в покупке и восстановлении особняка; он продолжает находиться в ведении города.

На подходе к особняку заметны остатки витражей, табличек, узоров. О былом величии дома напоминает оригинальный фасад. Здание не охраняется и не эксплуатируется, дверь не закрыта. По информации Хабаровского краевого центра охраны памятников истории и культуры усадьба пережила множество изменений, и внутри уже не найти упоминаний о когда-то проживающем семействе Богдановых.

По этой причине здание спиртзавода символизирует как индивидуальную судьбу спиртзаводчика, так и коллективную память об экономических потрясениях и разных эпохах в жизни региона. Водонапорная станция (рис. 2) несколько последних десятилетий была закрыта высоким ограждением из профнастила, но в 2024 году была открыта для взора горожан, проезжающих по улице Правобережной прямо вдоль береговой линии Амура. Сейчас это небольшое строение начало привлекать большое количество людей; сюда идут фотографироваться, люди видят особую эстетику этого места. Вместе с тем открытое внутренне пространство бездомные используют объект в качестве ночлежки. Внутри раскиданы старые матрацы, ветошь, некоторые предметы быта.

Купол на Монастырской сопке в г. Владивостоке и мортиры близ Морского кладбища также рассматриваются в качестве маргинальных, они даже формируют единое пространство. Когда-то значимые для людей, теперь они заброшены, забыты, теряют культурную ценность. Однако маргинализация этих символов ушедшего времени не мешает привлекать исследователей и местных жителей, в связи с чем в их отношении формируются новые нарративы и ассоциации, что позволяет им сохранить своеобразие неформальной ценности. В частности, купол расценивается как уникальный арт-объект, разрушения которого местные жители не желают (рис. 3).

Дом культуры строителей на ул. Рябиковская в Петровловске-Камчатском – свидетельство о времени колLECTивизма, активной культурной жизни рабочих. Следует отметить, что объект не был заброшен одномоментно, после периода 1990-х годов он был временно возвращен для эксплуатации. Сегодня это место, памятное для горожан, участвует в формировании новых идентичностей и культурных практик, что способно привести к переоценке его значения и назначения (рис. 5, 6).

Итак, у маргинальных зданий Дальнего Востока России отсутствует выраженная историческая или худо-

< Рис. 5. Заброшенный Дом культуры строителей в Петропавловске-Камчатском

< Рис. 6. Состояние интерьера Дома культуры строителей в Петропавловске-Камчатском

жественная ценность, однако они остаются значимыми для архитектурного контекста городов, для социального и культурного контекста в целом. Они воспринимаются обществом как материальные свидетельства сложных взаимосвязей истории, памяти и идентичности, именно поэтому сохраняется их значение для культурной среды. Эти объекты помогают в изучении динамики культурной памяти и социальных трансформаций на территориях Дальнего Востока.

Их нарицательный статус сформирован социально-экономическими, культурными изменениями, которые, несмотря на утрату значимости, определили среду их существования в пространстве городов, сознании горожан. Безусловно, физически запущенные, выключенные из активной жизни города объекты, отличающиеся маргинальностью, продолжают быть частью облика городов, выражением городской идентичности и культурной памяти. У этих пространств – периферийное место, в том числе в общественном сознании, однако они остаются интересными с точки зрения изучения жизни социума [3, с. 109].

Следует признать, что появление маргинальных пространств – сигнал изменений городской структуры, индикатор социальной динамики. Они образуются после экономического кризиса, процесса миграции, смены политического курса. Заброшенные, неиспользуемые, эти объекты продолжают свидетельствовать о прошлом города, трансформации его идентичности, культурного ландшафта [4, с. 77].

Однако у данных пространств может быть будущее: маргинальное пространство может быть переосмыслено в рамках джентрификации. Это процесс реабилитации объекта и территории, запускаемый активистами из числа местных жителей, предпринимателями, представителями творческих профессий. Благоустройство может спровоцировать конфликты старожилов и новых жителей, что также демонстрирует сложность социальных отношений и признаки борьбы за жизненное пространство, консервацию или переосмысление территории.

Таким образом, в рамках маргинальных пространств происходят различные социальные взаимодействия, созидательные и негативные ввиду столкновения интересов разных групп. Кроме того, феномен городской пространственной маргинальности связан как с заброшенными, запущенными пространствами, символизирующими прошлое, так и с примерами дискуссионной организации облика современного города. Многие из маргинальных объектов могут функционировать как «памятники» современности, символизировать как упадок, так и возможность для возрождения, регенерации. Это места и сохранения памяти о прошлом, и формирования новых нарративов, ассоциаций, отсылок,

часть городской мифологии; значит, имеют потенциал для своего существования и в будущем. Заброшенность маргинальных пространств не мешает им оставаться активными участниками культурного процесса, диалога между прошлым и настоящим. Подводя итог, необходимо отметить роль маргинальных пространств, которые утратили функциональность, но в формировании городской идентичности и сохранении культурной памяти, повседневного социального опыта их роль неоспорима. Эти объекты связывают историю, память и идентичность, встраиваются в современный культурный ландшафт. Тем важнее исследовать данные пространства, чтобы понять историческую, социальную, культурную динамику, осознать, каким образом маргинальность может стать источником новых возможностей и культурных кодов.

Литература

1. Туркулец, С. Е., Гареева, И. А., Слесарев, А. В., Гарнага, А. Ф. Маргинализация городского пространства (опыт социологического исследования на примере Хабаровска) // Социодинамика. – 2024. – № 12. – С.17–37.
2. Бляхер, Л. Е., Иванова, А. П., Ковалевский, А. В. «Пустые пространства» и их обитатели в городах Дальнего Востока России (на примере города Хабаровска) // Мир России. Социология. Этнология. – 2021. – Т. 30. – № 3. – С. 150–173.
3. Ковалевский, А. В. Феноменология описания города: город видимый и невидимый // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2021. – № 5. – С. 108–111.
4. Лавренова, О. А. «Изнанка города»: маргинальные ландшафты и современная визуальная культура // Наука телевидения. – 2021. – № 17 (2). – С. 61–117.
5. Боков, А. Негород. Часть 2 // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 16–22. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1795>
6. Раппапорт, А. Пространство и его форма // Проект Байкал. – 2024. – № 82. – С. 18–21. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/82.2420>

References

- Blyakher, L. E., Ivanova, A. P., & Kovalevsky, A. V. (2021). "Empty spaces" and their inhabitants in Far Eastern Russian cities: The case of Khabarovsk. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 30(3), 150-173.
- Bokov, A. (2021). Noncity. Part 2. *Project Baikal*, 18(68), 16-22. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1795>
- Kovalevsky, A. V. (2021). Phenomenology of city description: City visible and invisible. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 5, 108-111.
- Lavrenova, O. A. (2021). "The seamy side of the city": Marginal landscapes and contemporary visual culture. *The Art and Science of Television*, 17(2), 61-117.
- Rappaport, A. (2024). Space and its form. *Project Baikal*, 21(82), 18-21. DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/82.2420>
- Turkulets, S. E., Gareeva, I. A., Slesarev, A. V., & Garnaga, A. F. (2024). Marginalization of urban space: Experience of sociological research on the example of Khabarovsk. *Sociodynamics*, 12, 17-37.